

УДК 327.24

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ОПРЕДЕЛЕННОСТИ
ВЕЩНЫХ ПРАВ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМЫ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**
**The Realization of the Principle of Certainty
of Rights on Things in the Aspect of the Reformation
of Civil Legislation**

МАХИНЯ Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры гражданского права Омской юридической академии (Омск)

Makhinya Evgeny A. – Senior Lecturer of the Department of Civil Law, Omsk Law Academy (Omsk)

e.a.mahinya@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется реализация принципа определенности (специальности) вещных прав с позиций Концепции развития законодательства о вещном праве, Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации и проекта федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации». По результатам анализа данных концепций и законопроекта автором предлагаются изменения и дополнения в законопроект, обеспечивающие полноценное внедрение исследуемого принципа в российское гражданское законодательство.

Annotation. The article investigates the realization of the principle of certainty (specialty) of rights on things from the standpoint of the Concept of development of the legislation on the law of things, the Concept of development of civil legislation of the Russian Federation and the draft of Federal Law № 47538-6 «On Amendments to First, Second, Third and Fourth Parts of the Civil Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation». According to the analysis of these concepts and federal law drafts the Author proposes changes and amendments to the bill to ensure full implementation of this principle in the Russian civil law.

Ключевые слова: принцип определенности, вещное право, индивидуально-определенная вещь.

Keywords: certain principles, law of things, specific thing.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-4-32-37

В зарубежной доктрине принцип определенности (специальности) вещных прав раскрывается следующим образом: «принцип определенности означает, что вещные права, возможно, существуют только в отношении индивидуально-определенных вещей, то есть они должны касаться непосредственно индивидуально-определенных вещей. Принцип определенности обеспечивает правовую ясность как один из признаков правовой стабильности» [3, с. 413]. Л. Эннексерус ука-

зывает на то, что «объектом вещных прав могут быть только вещи в смысле § 90 (имеется в виду § 90 Гражданского уложения Германии: «вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы». – Е. М.). Только в отношении вещей существует собственность... Совокупность вещей как таковая не может быть объектом вещных прав...» [10, с. 15–16].

В российской цивилистике производно от зарубежной науки признается значение этого принци-

па и определяется его содержание. Так, например, А. Г. Резе, ссылаясь на работы немецких цивилистов, отмечает: «Принцип специальности означает, что вещные права возможны лишь по поводу индивидуально-определенных вещей и должны относиться только к ним. Данный принцип проявляется в том, что в случае гибели соответствующей вещи автоматически прекращается и вещное право на нее» [9, с. 276]. И. А. Емелькина пишет: «В соответствии с данным принципом объектом вещного права могут выступать только индивидуально-определенные вещи, имеющие материальное воплощение. Современное значение этого принципа должно сводиться к тому, что вещное право может устанавливаться только на индивидуально-определенные вещи, а не совокупности вещей» [2, с. 23].

В действующем гражданском законодательстве принцип определенности (специальности) вещных прав, по сути, не нашел своего отражения. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) нет общей части вещного права, где могла бы содержаться норма об объектах вещных прав, а нормы раздела II ГК РФ объектами права собственности и иных вещных прав называют большей частью имущество, а не вещи.

В этой связи интерес представляют перспективы развития законодательства о вещных правах. Так, в Концепции развития законодательства о вещном праве (2009 г.) [5, с. 88–185] и Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации (2009 г.) [4, с. 37] отмечалось, что необходимо создать «полноценное регулирование общих положений о вещных правах, которые представляли бы собой вынесенные за скобки принципиальные правила, относящиеся ко всем вещным правам и порядку их правового регулирования». Также данными концепциями предусматривалась необходимость введения в ГК РФ статьи «Объекты вещных прав» со следующими положениями:

а) вещные права устанавливаются на индивидуально-определенные вещи, а также на вещи, определенные родовыми признаками, в случае их индивидуализации;

б) в случае приобретения совокупности вещей (в составе имущественного комплекса, комплекта товаров и т. п.) вещное право возникает на каждую вещь;

в) ограниченные вещные права на имущество принадлежат лицам, не являющимся собственниками этого имущества;

г) право пожизненного наследуемого владения и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, относящимся к государственной или муниципальной собственности, право постоянного владения и пользования земельным участком (эмфитевзис), право застройки могут быть установлены только в отношении земельного участка;

д) право приобретения чужой недвижимой вещи и право вещных выдач устанавливаются в отношении земельных участков и иных объектов недвижимости, а сервитут – на те же объекты недвижимости, за исключением помещений;

е) право личного пользования (узуфрукт), ипотека и иное зарегистрированное (учтенное) залоговое право устанавливаются на объекты недвижимости, а также на объекты движимого имущества при условии регистрации либо учета соответствующего права;

ж) право оперативного управления имуществом, относящимся к государственной или муниципальной собственности, устанавливается на недвижимое (кроме земельных участков) и движимое имущество;

з) вещные права на земельный участок или иной объект недвижимости возникают с момента их государственной регистрации, если иное не установлено ГК РФ.

В проекте федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Проект изменений ГК РФ, законопроект) для реализации этих положений концепций было предусмотрено введение в ГК РФ ст. 223 «Объекты вещных прав» со следующим содержанием:

«1. Объектами вещных прав являются вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги. Объекты, определяемые родовыми признаками, становятся объектами вещных прав при их индивидуализации.

2. Правилами настоящего Кодекса об отдельных видах вещных прав круг объектов соответствующего права может быть ограничен.

3. В случае приобретения нескольких вещей (совокупности вещей) вещное право возникает на каждую вещь в отдельности.

4. Разделение или соединение вещей, обремененных вещными правами, не влечет прекращения этих прав, если иное не предусмотрено законом или соглашением.

5. На земельный участок и связанную с ним недвижимую вещь возникают одинаковые вещные права, если иное не предусмотрено законом или соглашением» [7].

Как видим, содержание данной статьи в Проекте изменений ГК РФ претерпело изменения по сравнению с вариантом, предложенным в концепциях.

Первое предложение первого пункта содержит весьма правильное, с нашей точки зрения, положение о том, что объектами вещных прав являются вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги. Таким образом, иные объекты гражданских прав, указанные в ст. 128 ГК РФ, не могут принадлежать лицам на том или ином вещном праве. Сожаление вызывает отсутствие определения понятия «вещь» или хотя бы его признаков. Кроме того, при сравнении данного пункта с положениями действующей ст. 128 ГК РФ выявляется следующее противоречие: ст. 128 ГК РФ своей формулировкой «к объектам гражданских прав относятся вещи, *включая* наличные деньги и документарные ценные бумаги...», по сути, говорит о том, что понятие «вещь» охватывает собой и наличные деньги, и документарные ценные бумаги, а в тексте рассматриваемого пункта законопроекта наличные деньги и документарные ценные бумаги названы наряду с вещами, а не отнесены к ним. Это позволяет предполагать, что составители законопроекта не считают эти объекты вещами.

Сопоставляя п. 1. ст. 223 Проекта изменений ГК РФ с другими статьями законопроекта, мы можем обнаружить и иные противоречия. Так, к примеру, ст.ст. 237–239 Проекта изменений ГК РФ содержат положения о праве частной, государственной и муниципальной собственности. Объектами права частной и государственной собственности, исходя из текста названных статей, заявлены вещи, а объектами права муниципальной собственности – имущество. Глава о праве общей собственности в Проекте изменений ГК РФ в качестве объекта данного права называет имущество. Таким же образом решен вопрос об объекте права оперативного управления (ст.ст. 306–306.5 Проекта изменений ГК РФ). Положения о защите вещных прав указывают, что, к примеру, объектом виндикационного иска являются вещь или иной объект вещного права. Не совсем ясно, что составители законопроекта подразумевали под «иным объектом вещного права». Впрочем, если исходить из положения

п. 1 ст. 223 ГК РФ в редакции законопроекта, где наличные деньги и документарные ценные бумаги отграничены от вещей, то, возможно, именно эти объекты имелись в виду в качестве иных объектов вещного права. Таким образом, в законопроекте сохраняется терминологический разрыв в определении объектов вещных прав.

Вызывает недоумение и второе предложение п. 1 ст. 223 Проекта изменений ГК РФ: «Объекты, определяемые родовыми признаками, становятся объектами вещных прав при их индивидуализации». Очевидно, что индивидуализация родовой вещи превращает ее в индивидуально-определенную, что и должен учитывать законодатель, определяя объекты вещных прав.

Пункт 2 рассматриваемой нормы говорит нам, что круг объектов некоторых вещных прав может быть ограничен законом. Однако правила об отдельных видах вещных прав напрямую не указывают, что является объектом того или иного вещного права. Вывод об этом приходится делать самостоятельно, анализируя содержание отдельных видов вещных прав. Кроме того, несмотря на то, что анализируемый пункт предусматривает возможность ограничения круга объектов в отношении отдельных видов вещных прав, положения других статей Проекта изменений ГК РФ говорят об обратном. Так, ст. 303.7 в редакции Проекта изменений ГК РФ предусмотрено, что такое вещное право как ипотека может быть установлено в отношении эфитевзиса (права постоянного владения и пользования земельным участком) и права застройки. То есть объектом вещного права (ипотеки) заявлено другое вещное право. Данная ситуация вступает в противоречие и с пп. 1 и 2 ст. 223 ГК РФ в редакции Проекта изменений ГК РФ. Поэтому, по нашему мнению, концепции более успешно выразили идею об объекте вещных прав, чем нормы законопроекта.

Далее, вопросы вызывает и п. 4 рассматриваемой статьи: «разделение или соединение вещей, обремененных вещными правами, не влечет прекращения этих прав...». При разделении вещей или их соединении создается новая вещь (или вещи) и прекращается существование прежней вещи (или вещей).

Проиллюстрируем сказанное простым примером. Гражданин А., являющийся собственником автомобильного двигателя, установил его в автомобиль, принадлежащий на праве собственности гражданину Б. То есть, по смыслу п. 4 ст. 223

ГК РФ в редакции законопроекта, произошло соединение вещей, обремененных вещными правами. Прекратилось ли у гражданина А. право собственности на двигатель, установленный в чужой автомобиль? Исходя из содержания комментируемого пункта – не прекратилось. Исходя из здравого смысла, логики и п. 1 ст. 133 ГК РФ – несомненно прекратилось. Напомним, что согласно п. 1 ст. 133 ГК РФ вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части. В приведенном примере двигатель, будучи установленным в автомобиль, стал его составной частью и, соответственно, прекратил существование в качестве вещи, самостоятельного объекта вещного права, принадлежащего гражданину А. Прекращение существования вещи (в данной ситуации – путем присоединения к другой вещи) влечет и прекращение соответствующего вещного права.

Данный подход можно было обнаружить и в практике Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Президиум ВАС РФ). Так, довольно известно «дело о дверных блоках» 1999 г. Суть дела сводилась к тому, что истец – заказчик по договору строительного подряда (ООО «Бастион КСБ») – пытался признать право собственности на 117 дверных блоков, 66 из которых были уже вмонтированы подрядчиком в строящееся здание, и освободить их от ареста. Арест был наложен в целях обеспечения иска банка (КБ «Балткредобанк») к подрядчику (ЗАО «Коттедж-Балт»). К моменту наложения ареста объект незавершенного строительства был передан подрядчиком и находился во владении истца. Решением суда первой инстанции иски удовлетворены частично: за истцом признано право собственности на 66 дверных блоков, установленных в жилом доме, в котором не было завершено строительство, и они освобождены от ареста. В остальной части иска отказано. Постановлением апелляционной инстанции решение изменено, в признании права собственности на 66 дверных блоков отказано, в остальной части решение оставлено без изменения. Кассационная инстанция постановление суда апелляционной инстанции отменила, решение суда первой инстанции в части освобождения имущества от ареста отменила и в иске в этой части отказала. В остальной ча-

сти решение суда первой инстанции оставила без изменения. Президиум ВАС РФ постановление апелляционной и кассационной инстанций отменил, решение суда первой инстанции в части признания права собственности на 66 дверных блоков отменил, в остальной части решение оставил без изменения. При этом важнейшим выводом Президиума ВАС РФ было то, что установленные в доме дверные блоки перестали быть отдельными самостоятельными объектами собственности, а стали частью принадлежащей истцу недвижимости. Соответственно, признание права собственности на установленные в доме дверные блоки невозможно, так как они как отдельный предмет не существуют, а являются частью принадлежащей истцу недвижимости [8].

Однако, к сожалению, действующее законодательство не содержит положений, регламентирующих последствия соединения вещей, а также их разделения и смешения. Пункт 5 ст. 273 ГК РФ в редакции законопроекта содержит положение о том, что общая собственность возникает при смешении однородных вещей, принадлежащих двум и более лицам, если иное не предусмотрено законом или договором. Такое регулирование представляется нам недостаточным. Как быть в том случае, если смешивающиеся однородные вещи обладают разными качественными признаками? Уместно ли устанавливать режим общей долевой собственности, к примеру, в ситуации, когда в одну цистерну с бензином марки АИ-92 был влит бензин марки АИ-80, принадлежащий другому владельцу?

Данная проблема была бы решена при введении полноценного регулирования таких оснований приобретения права собственности, как соединение и смешение вещей. Так, в Гражданском уложении Германии этому вопросу посвящены § 946–949. В частности, в отношении соединения вещей установлены следующие правила: 1. Если движимые вещи соединены между собой таким образом, что становятся существенными составными частями единой вещи, то прежние собственники становятся сособственниками вещи; их доли определяются пропорционально стоимости вещей на момент их соединения. 2. Если одна из вещей рассматривается как главная вещь, ее собственник приобретает единоличное право собственности. Аналогичные правила предусмотрены § 948 и в отношении правовых последствий смешения вещей [3].

В книге 3 проекта Гражданского уложения Российской империи, регулирующего вотчинные правоотношения, также предусматривались нормы, регламентирующие рассматриваемую ситуацию. Так, ст. 108 указанного проекта содержала следующее правило: «если несколько вещей, принадлежащих разным лицам, соединены или смешаны между собой таким образом, что разделение их невозможно или сопряжено со значительным их повреждением или несоразмерными со стоимостью вещей расходами, то возникшая из такого соединения или смешения новая вещь принадлежит всем собственникам вошедших в ее состав отдельных вещей на праве общей собственности в долях, соразмерных со стоимостью вещи, каждому из них принадлежавшей. Тот, по чьей вине произошло такое соединение или смешение вещей, обязан вознаградить собственников этих вещей за причиненные им этим убытки». Статья 109 рассматриваемого проекта содержала специальное правило о том, что: «если одна из вещей... значительно превышает по стоимости другие, соединенные или смешанные с нею вещи, то собственник этой главной вещи вправе требовать признания его собственником новой вещи, возникшей из соединения или смешения, но обязан вознаградить прежних собственников прочих вещей по статье 107» [1].

Таким образом, несостоятельность п. 4 ст. 223 ГК РФ в редакции законопроекта очевидна. Намного логичней бы смотрелось в данной статье правило о том, что гибель вещи, в том числе путем ее смешения, соединения с другой вещью или разделения, прекращает вещное право на нее. А положение о правовых последствиях смешения, соединения и разделения вещей было бы правильным закрепить в главе 18 ГК РФ в редакции законопроекта.

В свете сказанного приходится констатировать, что Проект изменений ГК РФ в части определения объектов вещных прав характеризуется отсутствием терминологического единообразия, содержит внутренне противоречивые суждения, не согласован с иными нормами ГК РФ об объектах гражданских прав, в первую очередь со ст. 128 ГК РФ. Во многом это объясняется отсутствием основных начал (принципов) вещного права, в том числе принципа определенности (специальности), которые обеспечили бы единство правового регулирования.

Каким образом данная ситуация могла бы быть исправлена? De lege ferenda реализация принципа определенности вещных прав должна, по нашему мнению, выглядеть следующим образом.

Во-первых, в п. 1 ст. 223 ГК РФ в редакции законопроекта следовало бы указать, что «объектами вещных прав являются индивидуально-определенные вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги». Второй абзац данного пункта, содержащий весьма очевидное правило о том, что объекты, определяемые родовыми признаками, становятся объектами вещных прав при их индивидуализации, следовало бы вообще исключить из текста законопроекта. Вместо него логичнее было бы закрепить легальное определение понятия «вещь». С учетом наработок доктрины в этой области, а также зарубежного опыта представляется правильным закрепить таких признаков вещи, как: 1) телесность; 2) доступность господства субъектам гражданских правоотношений; 3) наличие пространственных границ¹. Указанная дефиниция могла бы выглядеть следующим образом: «Вещью является телесный предмет, имеющий пространственные границы, доступный для господства субъектам гражданских правоотношений».

Во-вторых, следовало бы провести работу по приведению терминологического аппарата в Проекте изменений ГК РФ и в действующем ГК РФ к единообразию. А именно: во всех нормах Кодекса, где речь идет об объекте вещного права, необходимо использовать категорию «вещь».

В-третьих, в п. 4 ст. 223 Проекта изменений ГК РФ следует указать, что «гибель вещи, в том числе путем ее смешения, соединения с другой вещью или разделения, влечет прекращение вещного права на нее». А в главе 18 ГК РФ в редакции законопроекта – закрепить подробное регулирование таких оснований возникновения права собственности, как смешение, присоединение и разделение вещей.

Таким образом, реализация указанных предложений позволит внедрить принцип определенности (специальности) вещного права в действующее гражданское законодательство. Учитывая, что принципы вещного права представляют собой «основополагающие начала,

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NLRO6Q34ImY&feature=youtu.be>

отражающие объективно сложившиеся закономерности общественных отношений, регулируемых вещным правом» [6, с. 314], принцип определенности (специальности) вещных прав, закрепленный надлежащим образом в граж-

данском законодательстве, обеспечит единство законодательного регулирования вещных правоотношений и послужит одной из основ построения института вещного права в гражданском законодательстве.

Список литературы

1. Гражданское уложение. Кн. 3. Вещное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии) / под ред. И. М. Тютрюмова ; сост. А. Л. Саатчиан. М. : Волтерс Клувер, 2008. 1015 с.
2. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2011. 416 с.
3. Комментарий к проблемам вещного права (Баур/Штюerner. Вещное право) // Гражданское уложение Германии : ввод. закон к Гражд. уложению / пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.] ; науч. ред. Т. Ф. Яковлева. 4-е изд., перераб. М. : Инфотропик Медиа, 2015. С. 393–460.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А. Л. Маковского. М. : Статут, 2009. 160 с.
5. Концепция развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 88–185.
6. Махиня Е. А. Понятие принципов вещного права и их значение для законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства : сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2014. С. 306–314.
7. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федер. закона № 47538-6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 3655/99 от 26 окт. 1999 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Резе А. Г. К вопросу об определении принципов вещного права // Актуальные проблемы гражданского права : сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. Вып. 9. М. : Норма, 2005. С. 243–297.
10. Эннексерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. I, полутом 2 : Введение и общая часть / пер. с 13-го нем. изд. проф. И. Б. Новицкого, канд. юрид. наук Г. Н. Полянской и В. А. Альтшулера ; под ред., с предисл. и введ. замечаниями заслуж. деятеля науки проф. Д. М. Генкина и проф. И. Б. Новицкого. М. : Изд-во иностр. лит., 1950. 483 с.

References

1. Tiutriumov I. M. (Ed.). *Grazhdanskoe ulozhenie. Kn. 3. Votchinnoe pravo. Proekt Vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniiu Grazhdanskogo ulozheniia (s ob"iasnieniiami, izvlechennymi iz trudov Redaktsionnoi komissii)* [Civil Code. Book 3. Patrimonial Right. Projects of the Highest Established Drafting Committee for Creating the Civil Code (with Explanations Extracted from the Works of the Drafting Committee)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 1015 p.
2. Emel'kina I. A. *Sistema ogranichennykh veshchnykh prav na zemel'nyi uchastok* [The System of Limited Rights on Land]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 416 p.
3. Kommentarii k problemam veshchnogo prava (Baur/Shtyurner. Veshchnoe pravo) [Commentary on the Issues of Property Law (Baur / Shtyurner. Law of Things)]. *Iakovleva T. F. (Ed.). Grazhdanskoe ulozhenie Germanii: vvodnyi zakon k Grazhdanskomu ulozheniiu* [Civil Code of Germany: Input to the Civil Law]. 4th ed. Moscow, Infotropik Media Publ., 2015, pp. 393–460.
4. Kontseptsiiia razvitiia grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [The Concept of Development of the Civil Legislation of the Russian Federation]. Moscow, Statut Publ., 2009. 160 p.
5. Kontseptsiiia razvitiia zakonodatel'stva o veshchnom prave [Concept of Development of Property Act]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii – Journal of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2009, no. 4, pp. 88–185.
6. Makhinia E. A. Poniatie printsipov veshchnogo prava i ikh znachenie dlia zakonodatel'noi i pravoprimeritel'noi deiatel'nosti [The Notion of the Principles of Law of Things and Their Importance for the Legislative and Application Activities]. *Problemy pravovogo obespecheniia bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva* [Problems of Legal Security of the Person, of Society and State]. Novosibirsk, Novosibirsk State Techn. Univ. Publ., 2014, pp. 306–314.
7. Proekt federal'nogo zakona “O vnesenii izmenenii v chasti pervuiu, vtoriiu, tret'iu i chetvertuiu Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, a takzhe otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii” [Federal Law Draft “Amendments to Parts 1–4 of the Russian Civil Code and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”] № 47538-6. *Konsul'tantPlus – ConsultantPlus*, 2016.
8. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Decision of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation] of October 26, 1999 № 3655/99. *Konsul'tantPlus – ConsultantPlus*, 2016.
9. Reze A. G. K voprosu ob opredelenii printsipov veshchnogo prava [On the Definition of the Principles of Law of Things]. *Shilokhvost O. Iu. (Ed.). Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Actual Problems of Civil Law]. Iss. 9. Moscow, Norma Publ., 2005, pp. 243–297.
10. Ennektserus L., Kipp T., Vol'f M. *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. T. I, polutom 2 : Vvedenie i obshchaia chast'* [Course of German Civil Law. Vol. I, Semivol. 2: Introduction and General Part]. Moscow, Foreign Lit. Publ., 1950. 483 s.